

ПРАВА ЖИВОТНЫХ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ РЕФЛЕКСИИ

В XX в. получило известность общественное правозащитное движение по защите прав животных [40]. Вдохновляемые идеями Великой французской буржуазной революции, борьбой за равноправие женщин и освобождение негров защитники прав животных начинали свою деятельность с организации обществ по предотвращению жестокости по отношению к животным. Успехи движения за права животных нашли выражение во Всемирной хартии природы, требующей в качестве первого общего принципа уважать природу и не нарушать ее основные процессы, а также в Европейской конвенции по защите комнатных животных, признающей *moral obligations* человека перед последними. К настоящему времени имеется определенная юридическая практика признания прав природы [1], торжественно провозглашена Всемирная декларация прав животных [35], представлены общественности Декларация *свободы дикой природы, прав живых существ, а также Декларация о необходимости признания прав природы Космоса* [36]. *Активно ведется дальнейшая проработка вопросов теории прав природы и животных* [20; 25; 42–47].

Активисты движения за права животных прекрасно понимают, что защищаемая ими позиция воспринимается всеми просвещенными и трезво мыслящими людьми как курьезная (см., например, [37]), ведь слишком велика, казалось бы, дистанция между животным и человеком. Так, еще знаменитая французская Энциклопедия по поводу участников решения вопроса о естественном праве утверждала: «Если бы животные были по своему состоянию несколько ближе к нам, если бы существовали верные способы общения между нами и ими, если бы они могли ясно выражать нам свои чувства и мысли и столь же ясно понимать нас – словом, если бы

они могли подавать свой голос на всеобщем собрании всего живого, то следовало пригласить туда и их; и дело о естественном праве разбиралось бы уже не перед человечеством, но перед животным миром. Но животные отделены от нас неизменными и вечными преградами, а здесь идет речь о системе знаний и идей, свойственных только человеческому роду, которые проистекают из его достоинства и организуют его» [13. С. 222–223] ¹.

Во время Великой французской буржуазной революции идея прав животных использовалась для пародирования идеи женских прав. В 1792 г. в ответ на «Декларацию прав женщин» М. Воллстоункраф известный философ из Кембриджа Т. Тейлор опубликовал «Декларацию прав скотов», в которой показывал, что аргументы в пользу равенства женщин применимы к собакам, котам и другим животным. Впрочем, уже в 1822 г. И. Бентам писал о пренебрежении интересами животных и унижении их до класса вещей. «Может наступить день, – замечал он, – когда оставшая часть мира живых тварей обретет те права, которые не могут быть отняты у них иначе, как рукой тирании. Французы уже открыли то, что чернота кожи не есть основание для того, чтобы оставить человеческое существо капризу мучителя без какой-либо компенсации. Может наступить день, когда признают, что количество ног, наличие шерсти на коже или завершение *os sacrum* – столь же недо-

---

¹ После Дарвина, пожалуй, нет уже необходимости доказывать, что таких преград не существует. В свете данных современной этологии куда труднее оказывается доказывать наличие различий между человеком и животными более значимых, нежели мягкая мочка

статочные основания для того, чтобы предоставить чувствующее существо такой же судьбе. Что же должно прочерчивать эту непреодолимую линию? Способность разума или, возможно, способность речи. Но взрослая лошадь или собака несравненно более рациональные и общительные существа, чем младенец в возрасте одного дня, одной недели или даже одного месяца. Но предположим даже, что верно обратное. Что это дает? Вопрос не в том, могут ли они рассуждать или могут ли они говорить, но в том, могут ли они страдать?» [4. С. 172]

Несколькими страницами ранее И. Бентам упоминал тиранию в связи с предрассудком разделения людей на свободных и рабов, а также с практикой опеки над женщинами. «... Это основывалось, – писал он, – очевидно, на понятии о том, что женщина стоит решительно ниже мужчины в умственном отношении, аналогично тому, как это бывает результатом детства или безумия у мужчины» [Там же. С. 325].

И. Бентам также подчеркивал, что «в магометанской² и других религиях к интересам остальной части животного царства относились с некоторым вниманием» [Там же. С. 172]. На религиозный контекст традиционных представлений о правовом статусе животных указывал также А. Шопенгауэр. Он говорил о «пресловутом бесправии животных», объясняя его «возмутительной грубостью и варварством Запада, источник которых лежит в иудействе» [34. С. 230]³. Он отмечал, что в Азии религии дают животным достаточную защиту, а в Европе сознание прав животных только пробуждается, и впереди в этом отношении идет «тонко чувствующая английская нация»⁴ [Там же. С. 233].

А. Шопенгауэр далее ссылается на авторитет Ж.-Ж. Руссо, учившего сострадательности. Действительно, в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между

людьми» философ высказывает мнение, что поскольку животные одарены способностью чувствовать, то «они также должны быть причастны естественному праву». На этом основании, как утверждает он, «на человеке лежат по отношению к ним некоторого рода обязанности». Так, в частности это должно, по меньшей мере, давать право животному «не подвергаться напрасно мучениям по вине человека» [23. С. 68].

Высказываемое Ж.-Ж. Руссо замечание имеет определенный концептуальный смысл. С позиций философии естественного права от природы конкретными правами необходимо обладают не только люди, но и представители живого мира. Безусловно, человек есть животное и его обладание в качестве «общественного животного» правами тривиально доказывает возможность наличия прав у животных.

В мире животных все равны, на чем и основывается искомая «межвидовая справедливость» [49], описываемая еще Т. Гоббсом: «Право на не имеющих разума животных приобретается таким же образом, как и на человеческую личность, то есть благодаря естественным силам и возможностям. Ведь если в естественном состоянии, поскольку ведется всеобщая война против всех, каждому позволено поработать или даже убивать людей, коль скоро это будет представляться ведущим к его благу, то тем более то же самое будет позволено против зверей, то есть по собственному желанию обращать в рабство тех, которые по их способностям могут быть приручены и быть ему полезными, остальных же как вредных непрерывно преследовать силой оружия и уничтожать. Следовательно, господство над животными берет свое начало от естественного права, а не от положительного божественного права. Ведь если бы подобное право не существовало до появления Священного писания, никто бы не имел права убивать животных в пищу себе, и поистине ужасающе было бы положение людей, которых звери могли бы безнаказанно пожирать, а они

² В обзорах по экзотике упоминается составленный в XIII в. Изз-ад-Дин ибн Абд ас-Саламом на основе высказываний пророка Мухаммеда трактат «Права скотины и животных, зависящие от человека...»

³ А. Шопенгауэр убежден, что доказал ветхозаветное происхождение «грубого и совершенно беспощадного обращения с животными в Европе». Вместе с тем справедливо обращает внимание на предписание: «Но на седьмой день ты должен отдохнуть, и твой бык, и твой осел могут отдохнуть» (Исход, 23:12).

⁴ Как известно, в англо-саксонской системе обще-

го права одни существа или предметы могут быть приравнены к другим, если суд сочтет это обоснованным, причем такое решение суда служит образцом (прецедентом) для других судов и влияет на юридическую практику. Поэтому животные довольно давно выступают как субъекты некоторых правоотношений, например они могут наследовать имущество или получать завещательные отказы, быть бенефициарами и т. п.

бы – нет. Следовательно, если естественное право позволяет животному убивать человека, то это же право позволяет человеку убивать зверей [9. С. 364].

Тождественность естественных отношений друг к другу человека и животных, как известно, дало основание предполагать, что существует «естественное» право – право общее для всего животного мира, которое, согласно Ульпиану, «присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам...» [14. С. 23]. Ч. Санфилиппо справедливо отмечает смехотворность представления «о правопорядке, присущем одновременно людям, животным, рыбам и птицам» [24. С. 30], но упускает из виду, что проблематичность «межвидового правопорядка» не исключает существования сходных и различных между собой внутривидовых правопорядков⁵.

На возможность объективно-правовой интерпретации положений естественного права указывает известный российский правовед академик С. С. Алексеев. Характеризуя значение врожденных регуляторов поведенческих реакций для конструирования механизма правовой регламентации, он пишет: «В реальном человеческом бытии некоторые элементарные требования жизнедеятельности (такие, как императивы эквивалентности при обмене, «старшинства», «первенства», «очередности») действительно довольно прочно утвердились в виде непреложных, безусловных, категорических. Отсюда – выводы, имеющие существенное значение для позитивного права, для понимания его особенностей, необходимых качеств в его развитии. Проникновение естественно-правовых требований в содержание позитивного права должно рассматриваться в качестве такого процесса, который призван придать действующему правопорядку необходимую твердость, непререкаемость и, следовательно, обеспечивать при помощи правопорядка большую определенность, строгость и надежность в людских взаимоотношениях, в поведении людей, причем такую определенность и строгость, которые обусловлены “природой”» [2. С. 418].

⁵ Так, Ф. Фукуяма обращает внимание, что права саламандры неизбежно будут отличаться от прав бактерий или собак. Ему также представляется затруднительным предоставить животным специфичное для человека избирательное право [31].

С. С. Алексеев объективирует естественное право, рассматривая его не как умозрительную, спекулятивную конструкцию, а как реальные правоотношения, основывающиеся на естественной соразмерности и периодичности природных процессов. Он исходит из того бесспорного факта, что «в человеке заложены не только биологические программы, предопределяющие возможность его антисоциального поведения, но и другие инстинктивные программы: желание быть свободным, потребность иметь собственность (включая землю, дом семью), запрет убивать, грабить, отнимать, притеснять слабых» [Там же. С. 431].

Как считает академик, есть весомые основания говорить о «биосоциальном ощущении права», о том, что «стойкое природное уважение к нему таится в самых глубоких биосоциальных корнях людей...». «Ведь ощущение особью “своего” места в биосоциальной иерархической организации сообщества животных, “своей” монополии на самку или на “своих” детенышей, “своей” роли в совместной охоте и возможности на получение доли в добыче, – это все не что иное, как первичные зачатки того, что позже на языке людей получило название “право”», – отмечает он [Там же].

Важным С. С. Алексееву представляется момент дифференциации и разветвления биосоциальных предпосылок права. Во-первых, это «свободы» и «права» верховного иерарха (вожака стаи), избранных им самок, «приближенных» и далее. Во-вторых, «свобода» каждой особи организованного сообщества, выражающаяся, например, в «праве» на равную на данной ступени иерархической лестницы долю пищевых ресурсов. Здесь, по его мнению, кроются истоки органически разного построения правовой материи, которые проявляются затем в публичном и частном праве и по-разному сказываются на возникновении и развитии права, его типов и семей, на характере, направлении и перспективах правового прогресса [Там же. С. 432].

С. С. Алексеев приходит к заключению: «Право имеет глубокие природные предпосылки, особо четко выраженные в “нравах” и “нормах поведения” организованных биологических сообществ» [Там же. С. 699]. В иерархической организации стайных животных он видит «первичные подпочвенные истоки» организации власти и исторически первые ступени правового развития – «право сильно-

го», «право войны», «кулачное право», «право власти».

Действительно, эволюционный процесс выработал систему инстинктивных запретов, которые можно рассматривать как *протоправо*. Помимо запрета «не убий», пишет В. Р. Дольник, многие животные подчиняются запретам «не бить лежащего», т. е. соперника, принявшего позу покорности, не трогать детенышей, не покушаться на чужую территорию, чужое гнездо, чужую самку, не нападать неожиданно или сзади, не отнимать пищу, не воровать ее и т. п. [15]. В отношении «своих» (это могут быть родители, братья и сестры, партнеры по стае, обитатели общей территории и т. п.) запреты действуют очень сильно, а в отношении чужих – слабее или вообще снимаются.

Комментируя философский дискурс о естественных правах. Дж. Рэчелс указывает на то, что за «естественные» права обычно выдаются «человеческие» права [41]. Очевидно, что это далеко не одно и то же. Но именно в силу этого неявного отождествления в системе межвидовых отношений возможна экстраполяция человеческого правопорядка на взаимоотношения внутри других видовых сообществ. В случае подобной экстраполяции, как иронизировал еще Н. М. Коркунов, существование прав животных не представляет проблемы: позитивное право волей законодателя может произвольно наделить животных любыми правами и обязанностями.

В качестве таких причуд права обычно и рассматривается юридическая практика признания правосубъектности животных и неодушевленных существ. «А могут ли быть субъектами правоотношений животные? – спрашивает А. Б. Венгеров. – Как будто странный, экзотический вопрос! Но его приходится теоретически решать, когда сталкиваешься, например, со случаями передачи завещанием наследственного имущества любимой собачке, кошке: увы, такие редкие, экзотические случаи – также приметы взбалмошного XX в., причуды богатых людей. Разумеется, тут опять же, по существу, речь идет об отношениях между конкретными людьми по поводу содержания конкретного животного, но никак между человеком и животным. Хотя история права знает и наказание животных (в средние века, в борьбе с так называемыми ведьмами), да и у одного из церковных колоколов в свое время вырвали по приговору язык за “призыв” к бунту» [7. С. 460].

Но это происходило не только в «темные» средние века. В XVIII в. по приговору королевских судов абсолютистской Франции приговаривали к публичному сожжению просветительскую литературу. А в древних Афинах во время праздника Диполий в убийстве священного быка после судебного расследования обвинялся безгласный нож (или топор), который топили в море [6. С. 17]. Таким образом, мы сталкиваемся с архаической правовой традицией, наиболее широко представленной в первобытном праве.

Антропоморфизм и тотемизм первобытного мышления органично включает естественно-правовые представления⁶. А. С. Песикова, в частности, выделяет следующие основные положения религиозной философии обских угров.

«Первое, что бросается в глаза, – это *одушевление* всего и вся. Животные, растения, вещи, как и люди, разговаривают, имеют чисто человеческие переживания. Иногда эти переживания достигают космических размеров, изменяя вокруг природу.

Второе: все – и люди, и животные, и растительность, и вещи – равноправны, то есть равное право имеют на жизнь, на свои поступки, на волеизъявление» [21. С. 140].

По обычному праву приамурских народов, закон кровной мести распространялся на темных животных – тигра и медведя [26. С. 91]. Ненцы, забивая оленя или готовясь убить медведя, сначала вступают в переговоры, договариваются и добиваются согласия как на смерть, так и на то, например, что за смерть животного не будут мстить его родные [33. С. 26]. Доктрина естественного права необходимо допускает равенство всех живых существ в праве на свою жизнь, а следовательно, в праве на чужую смерть. На представление о естественном равенстве прав всего живого опирается принцип общественного договора, который заключается не только между людьми, но и между людьми и животными. Председатель Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа канд. юрид. наук С. Н. Харючи вспоминает, что когда на охоте или рыбалке его отец рубил живое дерево, то «разговаривал тихонько с этим дере-

⁶ Соответственно, в движении за права животных В. Тетера видит возрождение антропоморфизма, сопутствующее психологической инфантильности [28].

вом, прощения просил – я, мол, тебя рублю не потому, что этого хочу, а потому, что нужда заставляет» [32. С. 28]. Таким образом, в обрядово-ритуальной практике аборигенов Севера существуют механизмы, обеспечивающие соблюдение прав животных и человека, а также честные и справедливые отношения между ними.

Согласно представлениям, распространившимся в Средние века, животные и другие неразумные твари подвластны праву и могут нести юридическую ответственность за свои поступки, совершенные ими против людей. Как отмечает А. Я. Гуревич, эти представления оформились в рамках активно протекавшей в XIII–XV вв. юридической систематизации локального обычного права [12].

С XIII в. в средневековой Европе животное, причинившее вред человеку или его имуществу, могло быть подвергнуто аресту, судебному преследованию и осуждено с соблюдением всех процессуальных норм. Такого рода процессы происходили как в светских, так и в церковных судах. Против животного вчиняли иск и выдвигали обвинение, его оповещали повесткой, для его защиты нанимали адвоката, велся судебный протокол. На допросе к животным применялась пытка: издаваемые звуки толковались как признание вины. Обвиняемое животное во время процесса оставалось в тюрьме вместе с другими преступниками, и в суде его представлял защитник. Перед началом судебного процесса истец обязан был назидательно взывать к совести животного-ответчика: «Ты – создание Божье; как таковому, я обязан оказывать тебе уважение. Земля тебе дана, как и мне; я обязан дать тебе возможность жить. Но ты вредишь мне, ты присваиваешь себе мою собственность, ты портишь мой виноградник, ты пожираешь мою жатву, ты лишаешь меня плодов моих трудов. Может быть, я заслуживаю этих бедствий, ибо я несчастный грешник. Во всяком случае, право сильного – есть право несправедливое. Я докажу твою неправоту, я буду просить у Всевышнего заступничества. Я тебе укажу место, где ты можешь существовать, уйди отсюда. Если же ты будешь упорствовать, то я тебя прокляну» (цит. по: [29]).

На суде животным могли предложить закончить дело миром до возобновления тяжбы, пойти на уступки и компромиссы. Большею частью процесс оканчивался приговором к публичной смертной казни, хотя могли приго-

ворить к одиночному заключению и пр. Смертную казнь дорогих и съедобных животных суды заменяли продажей на убой, но голова убитого животного выставлялась на лобном месте. Отсрочка в исполнении приговора могла быть предоставлена детенышам и беременным животным.

Церковные суды рассматривали иски против скоплений животных, как правило, против сельскохозяйственных вредителей (грызунов, насекомых, птиц, личинок, улиток и т. п.). В процессах данного типа возникали трудности с объяснением неявки обвиняемых в судебное присутствие. Представитель истца являлся в места их обитания и вызывал преступников в суд. Решением суда животные отлучались от церкви, изгонялись. Отлучение животных от церкви считалось для них, как и для действительных членов церкви, самым тяжким наказанием, и духовные суды решались на такое наказание не сразу. Были случаи, когда животным-вредителям выдавалась охранная грамота [3; 11; 38; 39].

Уголовная правосубъектность животных сохранялась в отдельных местностях Европы вплоть до середины XIX в. Как сообщает А. С. Гольденвейзер, в 1864 г. собрание крестьян болгарской деревни Плетерница присудило к смертной казни свинью, откусившую однолетней девочке ухо (труп свиньи был брошен собакам) [10].

Развиваемая в настоящее время философия прав животных утверждает: «Если у людей есть права, то у многих зверей они тоже есть»⁷ [44]. Возглавляемое Т. Риганом деонтологическое направление в экофилософии признает животных личностями, равноценными человеку. Утилитаристское направление, лидером которого является П. Сингер, признает наличие у животных интересов, которые так или иначе нужно удовлетворять.

На наш взгляд, наличие интересов также предполагает личность. Поэтому и деонтологическое и утилитаристское направления неизбежно сходятся в признании за животными правоспособности. Так, известный российский юрист С. Фишер еще в 1898 г., исходя из того, что государство должно охранять интересы животных, делал вывод о необходимости признания правовой личности животных, т. е.

⁷ Это своего рода лозунг движения за права животных: «Have the lower animals “rights?” Undoubtedly – if men have» [48].

наделения животных известной долей правоспособности [30].

Такое наделение является правовым обыкновением. В дрессуре животных широко используются наказания. «Поощрительное» право активно практикуется на различных конкурсах среди домашних животных (и на корриде). В зарубежной юридической практике природоохранные организации подают в суды иски в защиту животных от их имени. Многообразие *правовой жизни* предоставляет животным множество возможностей проявления и реализации своей правосубъектности⁸.

Определенные морально-психологические затруднения возникают при оценке возможности правосубъектности других объектов природы⁹. Эти затруднения существуют давно и тем или иным образом разрешались в правовой практике. Накопленный опыт, как полагал Л. И. Петражицкий, имеет определенное эвристическое значение для юридической науки: «Такие субъекты, как камни, колесницы, животные, подвергавшиеся уголовным судам и наказаниям по средневековому и иным правам, не менее поучительны для разных других общих теорий права» [22. С. 328].

Л. И. Петражицкий очерчивает более широкий круг явлений, наделяемых правосубъектностью, нежели материальные объекты живой и неживой природы. «На вопрос теории права: что или кто может быть субъектом правоотношений, обязанностей и прав, с точки зрения психической теории права получается ответ: субъектными представлениями в области правовой психики могут быть всевозможные представления персонального, личного характера; поскольку с этими представлениями ассоциируются правовые эмоции и другие представления, объектные и т. д. так, что подлежащему представляемому приписываются права и обязанности, предметы этих представлений являются субъектами права, – пишет он. – Подлежащих (представляемых) существ сообразно богатству и причудливости человеческой фантазии необозримое мно-

жество: разные предметы неживой, но представляемой одушевленной природы: камни, растения и проч., животные и их духи, люди, их зародыши, их духи после смерти, божества и иные бестелесные духи – в зависимости от ступени народной культуры, религиозных верований, поэтических способностей и т. д., или в зависимости от индивидуальных особенностей данного человека, его возраста и т. д. (в детском праве имеются такие субъекты права, например, куклы, каких не имеется в правовой психике взрослых, и обратно)» [Там же. С. 333].

Признание множества субстанций субъектами права, носителями правоспособности и дееспособности, вызывает слабо мотивированные и с трудом рефлекслируемые догматические сомнения. Л. И. Петражицкий говорит о «затруднениях, загадках, противоречиях, которыми переполнено традиционное содержание учения о субъектах как такового», «симптомах ненормальной постановки учения о субъектах», «бедствиях, испытываемых современной наукой в учении о субъектах из-за ненахождения в разных случаях необходимого субъекта» [Там же. С. 324]. Поэтому Л. И. Петражицкий констатирует, что, по крайней мере, существуют «некие» права и обязанности, субъекты которых невычленимы. Приведем довольно обширное его рассуждение об антиномичности ситуации в этом вопросе.

«Но принятие бессубъектных прав и бессубъектных обязанностей представляет нечто, еще более невозможное и неприемлемое, нежели даже фантастические представления об отделяющихся от людей и самостоятельно существующих волях и т. п.; ибо оно до такой степени противоречит самой природе права, т. е. нашей правовой психике, что представляет для этой психики нечто невысказанное, психически неисполнимое. Такая обязанность, по которой обязан “никто”, т. е. никто не обязан, не есть обязанность, означает отсутствие обязанности; такое правомочие, по которому никто не управомочен, не есть право; и представлять себе обязанности без кого бы то ни было, кто был бы обязанным и т. д., можно не в действительности, а только, так сказать, на словах, т. е. можно произносить и писать соответствующие слова, так же как, например, слова “все белое черно” и т. п., но только без соответствующей действительной и серьезной мысли.

⁸ Нельзя не упомянуть и кладбища для любимых домашних животных, обеспечивающие сохранность их правовой личности.

⁹ Движение за освобождение животных полагает, что сегодня – права животных, завтра – равные права для растений, а после этого – полноправное положение для скал, почвы, воды и других тел.

Таким образом, теперешняя наука права находится в таком трагическом и, по-видимому, безвыходном положении, что, с одной стороны, немислимы права и обязанности без субъектов, а с другой стороны, все поиски за надлежащими субъектами для множества прав и обязанностей оказываются тщетными, несмотря на весь громадный потраченный на это труд и все остроумие множества выдающихся юристов, в том числе первых корифеев романистической и германистической юриспруденции. Это уже само по себе наводит на мысль, что поиски происходят не в надлежащем направлении, что в основе их лежит заблуждение относительно сферы существования и возможности успешного нахождения искомого» [22. С. 320–321].

Постановка вопроса о «бессубъектных правах и обязанностях» снимает мировоззренческую проблему субъектности животных, растений, богов и иных существ. Вместе с тем возникают концептуальные затруднения в рамках сложившейся догмы права. «Признание бессубъектных прав и обязанностей есть nonsense, – подчеркивал Ф. В. Тарановский, – ибо если никто не наделяется притязанием и никто не обязан, то нет юридического отношения» [27. С. 152]. На наш взгляд, этот вопрос может быть рассмотрен более детально.

Все говорят о правах (иногда об обязанностях), но атрибутируют их почему-то только субъекту. Из абстрактно-общего понимания права как меры свободы и нормированной возможности поведения не следует, что этим правом может располагать исключительно субъект. Разумеется, можно говорить о «субъективном» (или *субъектном*) праве в его отнесенности к субъекту. Соответственно, «объективное» (или *объектное*) право следует не трактовать обезличенно, а атрибутировать объекту, который объективно располагает определенными возможностями своего поведения.

Философской основой выделения и конституирования правообъектности выступает классическое учение о тождестве субъекта и объекта. Субъект выделяется в аспекте его активности. «Важно также иметь в виду, – подчеркивал А. Б. Венгеров, – что объект правоотношений отнюдь не пассивный элемент. Он также влияет на содержание конкретного субъективного права, юридических обязанностей» [7. С. 471].

Подобная детерминация обычно закрепляется в правовом режиме объекта. Но правовой режим прямо и непосредственно регламентирует возможное и необходимое для субъекта, а косвенно и опосредованно – также для объекта. Таким образом, правовой режим явно опирается на объектно-ориентированную правосубъектность, а неявно включает субъектно-ориентированную правообъектность.

Категория правообъектности традиционна для авторского и изобретательского права [8; 16. С. 93]. С развитием биомедицинских технологий стали говорить о правообъектности эмбриона и плода. В. Б. Исаков высказывал мнение, что категория правообъектности имеет общетеоретическое значение [17]. Обосновывая свое предложение, он, в частности, писал: «Во-вторых, особым направлением правового регулирования является определение объектов правоотношений. Например, ст. 4 Основ водного законодательства Союза ССР и союзных республик дифференцирует единый Государственный водный фонд на четыре категории, существенно отличающиеся своим правовым режимом: реки, озера, водохранилища, другие поверхностные водоемы и водные источники, а также воды каналов и прудов; подземные воды и ледники; внутренние моря и другие внутренние морские воды СССР; территориальные воды (территориальное море) СССР. В данном случае имеет место регулирование общественных отношений “по объекту”. Дифференциация правового режима объектов права, как и определение правосубъектности, является каналом воздействия на поведение субъектов. Только используется для этого другой элемент общественного отношения – объект. Право как бы устанавливает пределы для функционирования объектов в системе общественных отношений. По аналогии с определением правосубъектности, это направление правового регулирования иногда называют “определением правообъектности”. В данном случае представляется более правильным использовать общетеоретическую категорию “объект”» [18. С. 31].

Предложение В. Б. Исакова не получило поддержки у теоретиков права. По-видимому, это объясняется трудностями концептуального конструирования правообъектности. Без сомнения, минимальным элементом структуры

гражданской правообъектности может быть оборотоспособность вещи (см. [19]).

На наш взгляд, систематическая разработка учения о правообъектности может стать перспективным направлением развития общей теории права, что может содействовать концептуальному решению проблемы прав животных, а также других традиционных и актуальных проблем конкретных отраслей права.

Список литературы

1. Агафонов В. Зарубежная юридическая практика признания прав природы // Гуманитарный экологический журнал. Киев, 2003. Т. 5.

2. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.

3. Артемов В. Суды над животными // <http://his.1september.ru/articlef.php?ID=200300204>

4. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М., 1998.

5. Борейко П. Питер Сингер как вдохновитель мирового движения за права животных // Сингер П. Освобождение животных. Киев, 2002.

6. Борухович В. Г. Зевс Миноийский (следы культа верховного критского божества в греческих мифах и религиозных обрядах) // Античный мир и археология. Саратов, 1979. Вып. 4.

7. Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2002.

8. Вольфсон В. Парадоксы правообъектности: цитата и аллюзия; пародия – пастиш // ИС. Авторское право и смежные права. 2003. № 10.

9. Гоббс Т. Основы философии // Гоббс Т. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1.

10. Гольденвейзер А. С. Преступление – как наказание, а наказание – как преступление. Этюды, лекции и речи на уголовные темы. Киев, 1908. www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum3495

11. Гуревич А. Я. Судебные преследования животных // Словарь средневековой культуры. М., 2003.

12. Гуревич А. История в человеческом измерении (Размышления медиевиста) // Электронный журнал «НЛО». 2005. № 75.

13. Естественное право // Философия в Энциклопедии Дидро и Даламбера. М., 1994.

14. *Дигесты* Юстиниана. М., 1996.

15. Дольник В. Р. Непослушное дитя биосферы. Беседы о поведении человека в компании птиц, зверей и детей. СПб., 2003.

16. Ионас В. Я. Произведения творчества в гражданском праве. М., 1972.

17. Исаков В. Б. Правовое регулирование и юридические факты // Правоведение. 1980. № 5. <http://web1.law.edu.ru/magazine>

18. Исаков В. Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов, 1980.

19. Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб., 2002.

20. Нэш Р. Права природы. История экологической этики. Киев, 2001.

21. Песикова А. С. Религиозно-философское мировоззрение обских угров, ведущих традиционный образ жизни // Шесталов Ю. Космическое видение мира на грани тысячелетий: Книга-амулет. СПб.; Ханты-Мансийск, 2002.

22. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.

23. Руссо Ж.-Ж. Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми // Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998.

24. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2000.

25. Сингер П. Освобождение животных. Киев, 2002.

26. Старцев А. Ф. Культ тигра у народов Приамурья и Приморья // Этнос и культура. Владивосток, 1994.

27. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. СПб., 2001.

28. Тетера В. Возвращение природы: иллюзия прав животных. Киров, 2003.

29. Ткаченко С. В. Проблемы определения содержания римского права: исторический и цивилистический подход. Самара. 2002. <http://civil-law.narod.ru/wissled/tkachenko/rim.doc>

30. Фишер С. Человек и животное: Этико-юридический очерк. СПб., 1899.

31. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2004. <http://alt-future.narod.ru/Future/Fnpb/fukunpb2.htm#8d>

32. Харючи С. Н. За фасадом должности: «Стараюсь объединять людей» // Во имя Се-

вера (Статьи, доклады, выступления, интервью). Салехард, 2005.

33. *Хомич Л. С.* Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Дальнего Востока (вторая половина XIX – начало XX в.). Ленинград, 1976.

34. *Шопенгауэр А.* Две основные проблемы этики // Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. М., 1992.

35. *Всемирная декларация прав животных* // <http://www.deti.religiousbook.org.ua>

36. *Декларация о необходимости признания прав природы Космоса* // http://www.ecoethics.ru/docs_d2.html

37. *Agnel E.* Curiositees judiciaire et historiques du Moyan Age. Proces contre les animaux. P., 1858.

38. *Amira K.* Thierstrafen und Thierprozesse. Innsbruck, 1891.

39. *Berkenhoff H. A.* Tierstrafe, Tierbannung und rechtsrituelle Tiertotung im Mittelalter. Strassburg, 1937.

40. *Guither, Harold D.* Animal Rights: History and Scope of a Radical Social Movement. Southern Illinois University Press, 1997.

41. *Rachels J.* Do Animals Have a Right to Liberty? // Animal Rights and Human Obligations. Englewood Cliffs, 1976. <http://www.animal-rights-library.com/texts-c>

42. *Regan T., Singer P.* Animal rights and human obligations. Englewood Cliffs, Prentice-Hall, 1976.

43. *Regan T.* The case for animal rights. Berkeley; Los-Angeles, 1983.

44. *Regan T.* Animal rights, human wrongs // Planet in peril: Essays in environmental ethics. Orlando, 1994. http://www.ecoline.ru/books/pr_etika

45. *Regan T.* Defending animal rights. Berkeley; Los-Angeles, 2001.

46. *Regan T.* Empty Cages: Facing The Challenge of Animal Rights. Boston, 2003.

47. *The animal rights debat.* Berkeley; Los-Angeles, 2001.

48. *Salt H. S.* Animals' Rights: Considered in Relation to Social Progress. N. Y., 1894. <http://www.animal-rights-library.com/texts-c>

49. *Van DeVeer D.* Interspecific justice // People, penguins, and plastic trees. Belmont, 1984.

Материал принят в печать 12.12.2006